

структуре это высказывание ближе к публицистике просветителей, чем к скрупулезным сообщениям справочников-путеводителей. Сделай Карамзин революционный вывод из этого философского, «руссоистского» описания — его можно было бы выразить в крылатой фразе Шамфора: «Мир лижипам — война дворцам». Такой же философский подход наблюдается и при изображении ряда сцен из жизни швейцарцев. Своё пребывание в долине Гасли Карамзин сперва живописует, казалось бы, в стиле идиллического Геснера: «На всяком лужке отдыхал я по нескольку минут и если не руками, то по меньшей мере глазами своим ласкал каждую травку вокруг себя. Я пришел в маленькую горную деревеньку, которой жители ведут пастушью жизнь во всей простоте ее» (I, 262). Далее Карамзин дает описание амбаров, в которых делают сыр, и встречи с пастухом, принесшим чашку воды «русскому путешественнику». «Я взял чашку, — продолжает Карамзин, — и если бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнял пастуха с таким чувством, с каким брат обнимает брата: столь любезен казался он мне в ту минуту!» (I, 262). И тут же Карамзин предается мыслям о прелести естественной жизни, о горьких плодах просвещения, о счастье человека природы, т. е. мыслит как последователь Руссо: «Для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями! Я с радостью отказался бы от многих удобностей жизни (которыми обязаны мы просвещению дней наших), чтобы возвратиться в первобытное состояние человека. Всеми истинными удовольствиями — теми, в которых участвует сердце и которые нас подлинно счастливыми делают, — наслаждались люди и тогда, и еще более, нежели ныне <...> Теперь жилище и одежда наше покойнее: но покойнее ли сердце? Ах, нет! Тысячи забот, тысячи беспокойств, которых не знал человек в прежнем своем состоянии, терзают ныне внутренность нашу» (I, 262—263).

Итак, изображая жизнь швейцарцев, Карамзин выступает как последователь Руссо. Но руссоизм Карамзина определяет только композицию швейцарских глав, он «локален». Для Руссо Швейцария является мерилom оценки других государств. В «Новой Элоизе», в «Письме к Д'Аламберу» и в других произведениях Швейцария и Франция противопоставлены как обитель естественных добродетелей и гнездо «цивилизованных», порочных страстей. Такой антитезы в «Письмах» Карамзина нет: писатель о Франции отзывался столь же восторженно, как и о Швейцарии. Мировоззрение Карамзина обладает значительной долей релятивизма, оно не организовано в столь ясную и четкую систему, как мировоззрение просветителей, но в этом нужно видеть не слабость, а большую чуткость писателя, решившего изобразить Европу, попавшую в водоворот бурных событий, когда история опровергала теории. Между Карамзиным и Руссо лежит великая французская революция — событие, оказавшее огромное воздействие на развитие общественной мысли. Для Руссо естественной